

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ

Евгений Евтушенко как лучший журналист советской эпохи

Независимая газета. - 1998, - 19 нояб. - с. 13

Игорь Зотов

Евгений Евтушенко. Волчий паспорт. — М.: Вагриус, 1998, 574 с.

Звонят Евтушенко:
— Жень, умер Н.
— Да ты что! Пойду писать стихи!

Анекдот

НЕКОТОРЫЕ сверстники Евтушенко уже поспешили обидеться на книгу его воспоминаний, другие еще обидятся. И, возможно, по праву. Трудно в самом деле простить невероятный, почти абсолютный успех, сопровождавший Евтушенко более сорока лет его карьеры. Еще труднее простить его невероятный, почти абсолютный эгоцентризм, который изливается из каждой строки книги. Все эти: я, я, я, меня, мне, мною, обо мне... И уж решительно невозможно простить Евтушенко за его отношение к некогда близким ему людям, которых он описывает в книге: все сплошь самооправдание. Если и виноват в чем, то все как-то «нечаянно», как-то «не нарочно». А чаще всего, почти всегда — и не виноват. Иные, пища автобиографию, либо кокетливо самобичуются, либо обходят острые углы прошлых грешков. Евтушенко же, слава богу, не таков.

Но вот что бросается в глаза. Во-первых, стиль «Волчьего паспорта». Скандальная «Преждевременная автобиография», которую Евтушенко в отпелельном 1963 году опубликовал во Франции, без разрешения на то советских властей, а гонорар за которую пропил вместе с Валентином Катаевым в парижских кабаках, по стилю ровно ничем не отличается от других глав книги, в том числе и от законченных уже в этом году. Во-вторых, подборка отзывов о творчестве Евтушенко в советской и российской прессе, приведенная им в конце книги. Она, другого слова не сыскать, простодушна. Отзывы отрицательные, разумеется, инспирированы КГБ и присными. Отзывы положительные, конечно же, принадлежат хорошим людям. И среди них — Пастернак, Шостакович, Синявский, то есть те, эстетическому мнению которых можно очень и очень доверять. А они-то как раз почти ничего конкретного о Евтушенко как о поэте не говорят, зато высоко ценят его гражданское мужество, патриотизм, интернационализм и так далее.

Все это вместе позволяет с большой степенью достоверности заявить о том, что Евтушенко так и остался большим ребенком, человеком в высшей степени инфантильным, делающим многое, если не все, импульсивно, как бы не задумываясь, нечаянно. И хорошее, и плохое. Обижаться, конечно же, можно, но делать это совершенно бессмысленно.

Кроме отзывов о собственном творчестве, Евтушенко приводит в книге еще и впечатляющий поэтический мартиролог, то есть список стихов, которые по цензурным соображениям были в СССР либо напечатаны не полностью, либо в угоду цензуре изменены, либо же — вообще не напечатаны. Даже невозможно представить себе, чтобы такого рода мартиролог опубликовали бы Бродский, или Пастернак, или Мандельштам. Отношение к поэтическому слову у них было со-

таж в приемлемый для его газеты политический вид. И обиды Евтушенко на то, что его «редактируют», что не ставят его материалы в номер, сродни обидам любого журналиста любой газеты мира.

Зато уж Евтушенко по праву может считаться лучшим журналистом советской эпохи, журналистом, который живо откликался на все самые громкие события своей эпохи, будоражил своими стихами-репортажами ум, честь и совесть советского (и не только) обывателя. И не какими-то там загадочными очерками, в которых нужно было изыскивать подспудные смыслы, а безыскусными и в лоб рифмами и образами. Этакий поздний Маяковский поздней советской эпохи... Только гораздо простодушнее и без футуристического прошлого.

Забавно сопоставить две книги: эту и «Диалоги с Бродским» Соломона Волкова (М.: Независимая газета, 1998). Бродский рассказывает про свои встречи с Барышниковым, Голуновым, Ахматовой, Оденм, и перед нами — Барышников, Голунов, Ахматова, Оден... Евтушенко рассказывает про свои встречи с Пикассо, Дали, Пастернаком, Хрущевым, Солженицыным, но перед нами — все лишь один Евтушенко, а его именитые собеседники — только выигрышный фон. Все, как и полагается ребенку: милый детский эгоцентризм. Есть в обеих книгах один эпизод (на него уже обращали внимание рецензенты «Волчьего паспорта» и «Диалогов с Бродским»), связанный с отъездом Бродского в Америку. Два поэта толкуют его по-разному. Бродский дает понять, что Евтушенко принимал участие в его судьбе не без указки КГБ, Евтушенко же, понятно, эту гипотезу напроць опровергает и, в свою очередь, обижается на неблагодарность Бродского. Скорее всего, не правы оба или — прав каждый по своему. Что одно и то же.

Зато прав Бродский, утверждая, что от Евтушенко-поэта останется строк двести-триста. И прав Евтушенко, постоянно и наперед напоминая в книге своим завистникам и недоброжелателям: «Я приду в Двадцать Первый Век». Несомненно, придет. И своей антологией русской поэзии века двадцатого, и своими двумястами-тремястами строчками, и цитатами из своих поэтических репортажей к статьям ненаписанной еще «Истории советской журналистики». Поэт в России, действительно, больше, чем поэт. Особенно, когда он — и в первую очередь — журналист.

вершено другое, у них было нормальное поэтическое отношение к поэтическому слову и — шире — к сотворенному ими поэтическому миру как к индивидуальному и неповторимому. Не подлежащему никакому цензурованию, ни реформированию со стороны. Отношение же Евтушенко к собственным стихам — полная противоположность. Для него они, если угодно, особый, рифмованный вид журналистики. Как настоящий репортер он мгновенно откликается на событие, мгновенно пишет рифмованный репортаж, очерк, фельетон. А советское государство и его институты в этом случае выступают как придирчивый главный редактор, обязанный привести сданный в номер репор-